АРИСТОТЕЛЬ

РИТОРИКА

НЕ УБЕЖДАТЬ, НО В КАЖДОМ ОТДЕЛЬНОМ СЛУЧАЕ НАХОДИТЬ СПОСОБЫ УБЕЖДЕНИЯ

ВЕЛИКИЕ ИДЕИ

Великие идеи

Аристотель

Риторика

«Эксмо»

ок. 355 г. до н. э.

УДК 1(091)(3)
ББК 87.3(0)

Аристотель

Риторика / Аристотель — «Эксмо», ок. 355 г. до н. э. — (Великие идеи)

ISBN 978-5-699-82974-3

Аристотель – древнегреческий ученый, философ, основоположник формальной логики. Первым создал всестороннюю философскую систему, охватившую все сферы существования. Его учение считается обобщающим и завершающим греческую философию. «Риторика» Аристотеля – это наиболее глубокое и систематизированное исследование проблем ораторского искусства, ставшее большим культурным и научным событием. Трактат разделен на три части: первая посвящена предмету риторики и видам ораторских речей. Во второй речь идет о личных свойствах оратора и о «причинах, возбуждающих доверие к говорящему». Третья часть касается технической стороны риторики. Как и другие книги серии «Великие идеи», книга будет просто незаменима в библиотеке студентов гуманитарных специальностей, а также для желающих познакомиться с ключевыми произведениями и идеями мировой философии и культуры.

УДК 1(091)(3)
ББК 87.3(0)

ISBN 978-5-699-82974-3

© Аристотель, ок. 355 г. до н. э.
© Эксмо, ок. 355 г. до н. э.

Содержание

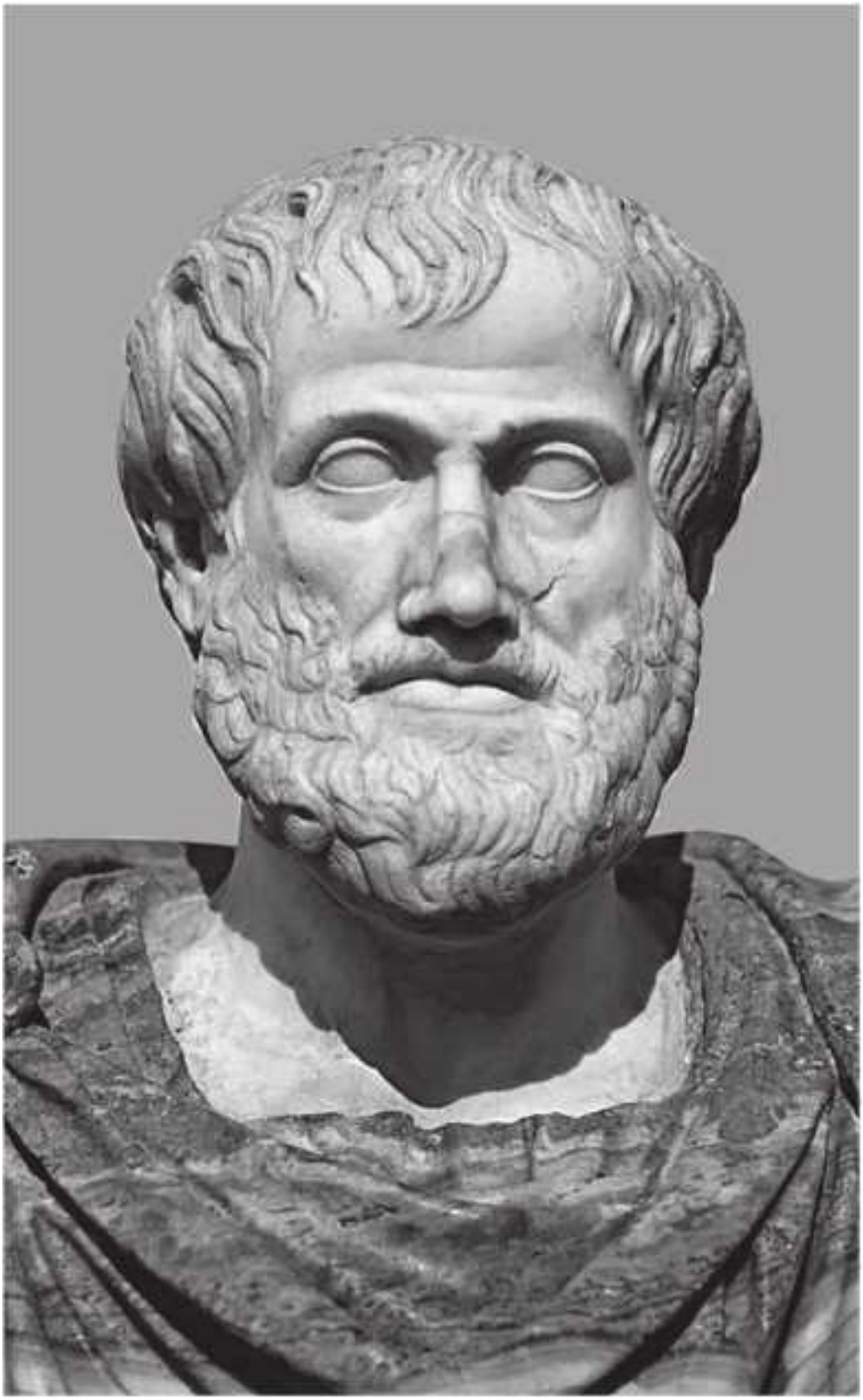
Античный энциклопедист 8
Предисловие 9
Риторика 10
Книга первая 10
1 10
2 13
3 17
4 19
5 21
6 24
Конец ознакомительного фрагмента. 27

Аристотель
Риторика

По Аристотелю, цель ораторского искусства:

1. Выявить истину
2. Найти способы убедить слушателей
3. Говорить поэтично и благозвучно
4. Пробудить в слушателях бурные эмоции

Правильный ответ вы сможете узнать, прочитав эту книгу…



Аристотель
384–322 до н. э.

Античный энциклопедист

Аристотель – древнегреческий философ, основоположник формальной логики, ученый. Первым классифицировал научные дисциплины в философии и создал понятийную систему, охватившую все сферы знаний. Учение Аристотеля обобщает и фактически завершает античную философию.

384 г. до н. э. – Родился в городе Стагир, греческой колонии в македонских Халкидиках.

369 г. до н. э. – Родители Аристотеля погибли, его опекуном стал Проксен.

367 г. до н. э. – Переехал в Афины и стал учеником Платона.

347 г. до н. э. – Во время поездки в Малую Азию женился на Пифиаде.

343 г. до н. э. – Македонский царь Филипп II пригласил Аристотеля стать воспитателем своего сына Александра.

335 г. до н. э. – Вернулся в Афины и основал Ликей – школу для философов.

323 г. до н. э. – После смерти Александра Македонского был вынужден покинуть Афины. С группой учеников он отправился в Халкиду.

322 г. до н. э. – Аристотель скончался от болезни желудка.

Предисловие

«Риторика» и поныне является основополагающей работой по ораторскому искусству и подлежит обязательному изучению филологами и юристами. До Аристотеля умение говорить речи было принято относить к специальным навыкам, необходимым лишь отдельным категориям граждан, например правителям и судьям. Великий философ рассматривал вопрос гораздо шире – в своем трактате он приводит читателей к мысли, что все мы постоянно применяем риторику в повседневной жизни, общаясь с другими людьми, доказывая им свою правоту в самых обычных бытовых ситуациях.

Определяя ораторское мастерство как «способность находить возможные способы убеждения относительно каждого данного предмета», Аристотель стремился как можно полнее охватить тему.

«Риторика» состоит из трех частей (книг). В этом издании опубликованы наиболее доступные для понимания и позволяющие научится искусству красноречия книги. В первой из них Аристотель раскрывает общие понятия и основные принципы риторики, а также выводит взаимозависимость элементов оратор – речь – аудитория. Вторая книга представлена до семнадцатой главы, где древнегреческий философ анализирует человеческие эмоции (любовь, стыд, страх, зависть и другие), разные типы характеров и говорит о путях эмоционального воздействия на аудиторию, а также рассматривает качества, необходимые оратору. Третья книга посвящена технической стороне риторики, в данное издание она не вошла.

Написанная более двух тысяч лет назад, «Риторика» содержит множество ценных советов для всех, кто хочет научиться искусству убедительного изложения своих доводов и влияния на слушателей. Трактат публикуется в классическом переводе Н. Платоновой, выполненном в конце XIX века.

Риторика

Книга первая

1

Отношение риторики к диалектике. – Всеобщность риторики. – Возможность построить систему ораторского искусства? – Неудовлетворительность более ранних систем ораторского искусства. – Что должен доказывать оратор? – Закон должен по возможности все определять сам; причины этого. – Вопросы, подлежащие решению судьи. – Почему исследователи предпочитают говорить о речах судебных? – Отношение между силлогизмом и энтимемой. – Польза риторики, цель и область ее.

Риторика – искусство, соответствующее диалектике, так как обе они касаются таких предметов, знакомство с которыми может некоторым образом считаться общим достоянием всех и каждого и которые не относятся к области какой-либо отдельной науки. Вследствие этого все люди некоторым образом причастны обоим искусствам, так как всем в известной мере приходится как разбирать, так и поддерживать какое-нибудь мнение, как оправдываться, так и обвинять. В этих случаях одни поступают случайно, другие действуют согласно со своими способностями, развитыми привычкою. Так как возможны оба эти пути, то, очевидно, можно возвести их в систему, поскольку мы можем рассматривать, вследствие чего достигают цели как те люди, которые руководятся привычкой, так и те, которые действуют случайно, а что подобное исследование есть дело искусства, с этим, вероятно, согласится каждый. До сих пор те, которые строили системы риторики, выполнили лишь незначительную часть своей задачи, так как в этой области только доказательства обладают признаками, свойственными ораторскому искусству, а все остальное не что иное, как аксессуары. Между тем авторы систем не говорят ни слова по поводу энтимем[1], которые составляют суть доказательства, много распространяясь в то же время о вещах, не относящихся к делу; в самом деле: клевета, сострадание, гнев и другие тому подобные движения души относятся не к рассматриваемому судьею делу, а к самому судье. Таким образом, если бы судопроизводство везде было поставлено так, как оно ныне поставлено в некоторых государствах, и преимущественно в тех, которые отличаются хорошим государственным устройством, эти теоретики не могли бы сказать ни слова. Все [одобряют такую постановку судопроизводства, но] одни полагают, что дело закона произнести это запрещение, другие же действительно пользуются таким законом, не позволяя говорить ничего не относящегося к делу (так это делается и в Ареопаге). Такой порядок правилен, так как не следует, возбуждая в судье гнев, зависть и сострадание, смущать его: это значило бы то же, как если бы кто-нибудь искривил ту линейку, которой ему нужно пользоваться.

Кроме того, очевидно, что дело тяжущегося заключается не в чем другом, как в доказательстве самого факта: что он имеет или не имеет, имел или не имел место; что же касается вопросов, важен он или не важен, справедлив или не справедлив, то есть всего того, относительно чего не высказался законодатель, то об этом самому судье, конечно, следует иметь свое мнение, а не заимствовать его от тяжущихся.

---

[1] *Энтимема* (от греч. in thymos, «в уме») – логическое умозаключение, в котором пропущена часть посылок или заключение, однако пропущенное подразумевается.

Поэтому хорошо составленные законы главным образом должны, насколько возможно, все определять сами и оставлять как можно меньше произволу судей, во-первых, потому, что легче найти одного или немногих, чем многих таких людей, которые имеют правильный образ мыслей и способны издавать законы и изрекать приговоры. Кроме того, законы составляются людьми на основании долговременных размышлений, судебные же приговоры произносятся на скорую руку, так что трудно людям, отправляющим правосудие, хорошо различать справедливое и полезное.

«Люди от природы в достаточной мере способны к нахождению истины и по большей части находят ее»

Самая же главная причина заключается в том, что решение законодателя не относится к отдельным случаям, но касается будущего и имеет характер всеобщности, между тем как присяжные и судьи изрекают приговоры относительно настоящего, относительно отдельных случаев, с которыми часто находится в связи чувство любви или ненависти и сознание собственной пользы, так что они [судьи и присяжные] не могут с достаточной ясностью видеть истину: соображения своего собственного удовольствия и неудовольствия мешают правильному решению дела.

Итак, относительно всего прочего нужно предоставлять судье как можно меньше простора; что же касается вопросов, совершился известный факт или нет, совершится или нет, есть ли он в наличности или нет, то решение этих вопросов необходимо всецело предоставить судьям, так как законодатель не может предвидеть частных случаев.

Раз это так, очевидно, что те, которые [в своих рассуждениях] разбирают другие вопросы, например вопрос о том, каково должно быть содержание предисловия, или повествования, или каждой из других частей [речи], касаются вопросов, не относящихся к делу, потому что [авторы этих сочинений] рассуждают в таком случае только о том, как бы привести судью в известное настроение, ничего не говоря о технических доказательствах, между тем как только таким путем можно сделаться способным к энтимемам. Вследствие всего этого, хотя и существует один и тот же метод для речей, обращаемых к народу, и для речей судебного характера, и хотя прекраснее и с государственной точки зрения выше первый род речей, чем речи, касающиеся сношений отдельных личностей между собой, – тем не менее исследователи ничего не говорят о первом роде речей, между тем как каждый из них пытается рассуждать о судебных речах.

Причина этому та, что в речах первого рода представляется менее полезным говорить вещи, не относящиеся к делу, а также и та, что первый род речей представляет менее простора для коварной софистики и имеет более общего интереса: здесь судья судит о делах, близко его касающихся, так что нужно только доказать, что дело именно таково, как говорит оратор. В судебных же речах этого недостаточно, но полезно еще расположить слушателя в свою пользу, потому что здесь решение судьи касается дел, ему чуждых, так что судьи, в сущности, не судят, но предоставляют дело самим тяжущимся, соблюдая при этом свою собственную выгоду и выслушивая пристрастно [показания тяжущихся]. Вследствие этого во многих государствах, как мы и раньше говорили, закон запрещает излагать не относящееся к делу, но там сами судьи в достаточной мере заботятся об этом.

«Если позорно не быть в состоянии помочь себе своим телом, то не может не быть позорным бессилие помочь себе словом»

Так как очевидно, что правильный метод касается способов убеждения, а способ убеждения есть некоторого рода доказательство (ибо мы тогда всего более в чем-нибудь убеж-

даемся, когда нам представляется, что что-либо доказано), риторическое же доказательство есть энтимема, и это, вообще говоря, есть самый важный из способов убеждения, и так как очевидно, что энтимема есть некоторого рода силлогизм и что рассмотрение всякого рода силлогизмов относится к области диалектики – или в полном ее объеме, или какой-нибудь ее части, то ясно, что тот, кто обладает наибольшей способностью понимать, из чего и как составляется силлогизм, тот может быть и наиболее способным к энтимемам, если он к знанию силлогизмов присоединит знание того, чего касаются энтимемы, и того, чем они отличаются от чисто логических силлогизмов, потому что с помощью одной и той же способности мы познаем истину и подобие истины. Вместе с тем люди от природы в достаточной мере способны к нахождению истины и по большей части находят ее; вследствие этого находчивым в деле отыскивания правдоподобного должен быть тот, кто так же находчив в деле отыскивания самой истины.

Итак, очевидно, что другие авторы говорят в своих системах о том, что не относится к делу; ясно также и то, почему они обращают внимание более на судебные речи.

Риторика полезна, потому что истина и справедливость по своей природе сильнее своих противоположностей, а если решения постановляются не должным образом, то истина и справедливость необходимо побеждаются своими противоположностями, что достойно порицания. Кроме того, если мы имеем даже самые точные знания, все-таки нелегко убеждать некоторых людей, говоря на основании этих знаний, потому что [оценить] речь, основанную на знании, есть дело образования, а здесь [перед толпою] это невозможно. Здесь мы непременно должны вести доказательства и рассуждения общедоступным путем, как мы говорили это и в «Топике» относительно обращения к толпе. Кроме того, необходимо уметь доказывать противоположное, так же как и в силлогизмах, не для того, чтобы действительно доказывать и то и другое, потому что не должно доказывать что-нибудь дурное, но для того, чтобы знать, как это делается, а также чтобы уметь опровергнуть, если кто-либо пользуется доказательствами несогласно с истиной.

Из остальных искусств ни одно не занимается выводами из противоположных посылок; только диалектика и риторика делают это, так как обе они в одинаковой степени имеют дело с противоположностями. Эти противоположности по своей природе не одинаковы, но всегда истина и то, что лучше по своей природе, более поддаются умозаключениям и, так сказать, обладают большей силой убедительности.

Сверх того, если позорно не быть в состоянии помочь себе своим телом, то не может не быть позорным бессилие помочь себе словом, так как пользование словом более свойственно человеческой природе, чем пользование телом. Если же кто-либо скажет, что человек, несправедливо пользующийся подобной способностью слова, может сделать много вреда, то это замечание можно [до некоторой степени] одинаково отнести ко всем благам, исключая добродетели, и преимущественно к тем, которые наиболее полезны, как, например, к силе, здоровью, богатству, военачальству: человек, пользуясь этими благами как следует, может принести много пользы, несправедливо же [пользуясь ими], может сделать очень много вреда.

Итак, очевидно, что риторика не касается какого-нибудь отдельного класса предметов, но, как и диалектика, [имеет отношение ко всем областям], а также что она полезна и что дело ее – не убеждать, но в каждом данном случае находить способы убеждения; то же можно заметить и относительно всех остальных искусств, ибо дело врачебного искусства, например, заключается не в том, чтобы делать всякого человека здоровым, но в том, чтобы, насколько возможно, приблизиться к этой цели, потому что вполне возможно хорошо лечить и таких людей, которые уже не могут выздороветь.

Кроме того, очевидно, что к области одного и того же искусства относится изучение как действительно убедительного, так и кажущегося убедительным, подобно тому, как к области

диалектики относится изучение как действительного, так и кажущегося силлогизма: человек делается софистом не в силу какой-нибудь особенной способности, а в силу намерения, с которым он пользуется своим дарованием. Впрочем, здесь [в риторике] имя ритора будет даваться сообразно как со знанием, так и с намерением [которое побуждает человека говорить]. Там же [в логике] софистом называется человек по своим намерениям, а диалектиком – не по своим намерениям, а по своим способностям.

Теперь попытаемся говорить уже о самом методе – каким образом и с помощью чего мы можем достигать поставленной цели. Итак, определив снова, как и в начале, что такое риторика, перейдем к дальнейшему изложению.

2

Место риторики среди других наук и искусств. – «Технические» (основанные на приемах риторики) и «нетехнические» (основанные на объективных данных) способы убеждения. – Три вида искусственных способов убеждения. – Риторика – отрасль диалектики и политики. – Пример и энтимема. – Анализ убедительного. – Вопросы, которыми занимается риторика. – Из чего выводятся энтимемы? – Определение вероятного. – Виды признаков. – Пример – риторическое наведение. – Общие места (topoi) и частные энтимемы.

Итак, определим риторику как способность находить возможные способы убеждения относительно каждого данного предмета. Это не составляет задачи какого-нибудь другого искусства, потому что каждая другая наука может поучать и убеждать только относительно того, что принадлежит к ее области, как, например, врачебное искусство – относительно того, что способствует здоровью или ведет к болезни, геометрия – относительно возможных между величинами изменений, арифметика – относительно чисел; точно так же и остальные искусства и науки; риторика же, по-видимому, способна находить способы убеждения относительно каждого данного предмета, потому-то мы и говорим, что она не касается какого-нибудь частного, определенного класса предметов.

Из способов убеждения одни бывают «нетехнические», другие же «технические». «Нетехническими» я называю те способы убеждения, которые не нами изобретены, но существовали раньше [помимо нас]; сюда относятся: свидетели, показания, данные под пыткой, письменные договоры и т. п.; «техническими» же [я называю] те, которые могут быть созданы нами с помощью метода и наших собственных средств, так что первыми из доказательств нужно только пользоваться, вторые же нужно [предварительно] найти.

Что касается способов убеждения, доставляемых речью, то их три вида: одни из них находятся в зависимости от характера говорящего, другие – от того или другого настроения слушателя, третьи – от самой речи. Эти последние заключаются в действительном или кажущемся доказывании.

[Доказательство достигается] с помощью нравственного характера [говорящего] в том случае, когда речь произносится так, что внушает доверие к человеку, ее произносящему, потому что вообще мы более и скорее верим людям хорошим, в тех же случаях, где нет ничего ясного и где есть место колебанию, – и подавно; и это должно быть не следствием ранее сложившегося убеждения, что говорящий обладает известными нравственными качествами, но следствием самой речи, так как несправедливо думать, как это делают некоторые из людей, занимающихся этим предметом, что в искусстве заключается и честность оратора, как будто она представляет собою, так сказать, самые веские доказательства.

«Необходимо уметь доказывать противоположное»

Доказательство находится в зависимости от самих слушателей, когда последние приходят в возбуждение под влиянием речи, потому что мы выносим различные решения под влиянием удовольствия и неудовольствия, любви или ненависти. Этих-то способов убеждения, повторяем, исключительно касаются нынешние теоретики словесного искусства. Каждого из этих способов в отдельности мы коснемся тогда, когда будем говорить о страстях.

Наконец, самая речь убеждает нас в том случае, когда оратор выводит действительную или кажущуюся истину из доводов, которые оказываются в наличности для каждого данного вопроса.

Поскольку доказательства осуществляются именно такими путями, то, очевидно, ими может пользоваться только человек, способный к умозаключениям и к исследованиям характеров, добродетелей и страстей – что такое каждая из страстей, какова она по своей природе и вследствие чего и каким образом появляется, – так что риторика оказывается как бы отраслью диалектики и той науки о нравах, которую справедливо назвать политикой. Вследствие этого-то риторика и принимает вид политики, и люди, считающие риторику своим достоянием, выдают себя за политиков, по причине ли невежества, или шарлатанства, или в силу других причин, свойственных человеческой природе. На самом деле, как мы говорили и в начале, риторика есть некоторая часть и подобие диалектики: и та и другая не есть наука о каком-нибудь определенном предмете, о том, какова его природа, но обе они – лишь методы для нахождения доказательств. Итак, мы, пожалуй, сказали достаточно о сущности этих наук и об их взаимных отношениях.

Что же касается способов доказывать действительным или кажущимся образом, то как в диалектике есть наведение[2], силлогизм и кажущийся силлогизм, точно также есть и здесь, потому что пример есть не что иное, как наведение, энтимема – силлогизм, кажущаяся энтимема – кажущийся силлогизм. Я называю энтимемой риторический силлогизм, а примером – риторическое наведение: ведь и все ораторы излагают свои доводы или приводя примеры, или строя энтимемы, и помимо этого не пользуются никакими способами доказательства.

Так что, если вообще необходимо доказать что бы то ни было путем или силлогизма, или наведения (а это очевидно для нас из «Аналитики»), то каждый из этих способов доказательства непременно совпадет с каждым из вышеназванных.

«Дело риторики не убеждать, но в каждом данном случае находить способы убеждения»

Что же касается различия между примером и энтимемой, то оно очевидно из «Топики», так как там ранее сказано о силлогизме и наведении: когда на основании многих подобных случаев выводится заключение относительно наличности какого-нибудь факта, то такое заключение там называется наведением, здесь – примером. Если же из наличности какого-нибудь факта заключают, что всегда или по большей части следствием наличности этого факта бывает наличность другого, отличного от него факта, то такое заключение называется там силлогизмом, здесь же энтимемой.

Очевидно, что тот и другой род риторической аргументации имеет свои достоинства. Что мы говорили в «Методике», то мы находим также и здесь: одни речи богаты примерами, другие – энтимемами; точно также и из ораторов одни склонны к примерам, другие – к энтимемам. Речи, наполненные примерами, не менее убедительны, но более впечатления производят речи, богатые энтимемами. Мы будем позднее говорить о причине этого, а также и о способе, как нужно пользоваться каждым из этих двух родов доводов. Теперь же определим точнее самую их сущность.

---

[2] *Наведение* — индукция, метод рассуждения от частного к общему.

Убедительное должно быть таковым для какого-нибудь известного лица, и притом один род убедительного непосредственно сам по себе убеждает и внушает доверие, а другой род достигает этого потому, что кажется доказанным через посредство убедительного первого рода; но ни одно искусство не рассматривает частных случаев: например, медицина рассуждает не о том, что здорово для Сократа или для Каллия, а о том, что здорово для человека таких-то свойств или для людей таких-то; такого рода вопросы входят в область искусства, частные же случаи бесчисленны и не доступны знанию. Поэтому и риторика не рассматривает того, что является правдоподобным для отдельного лица, например для Сократа или Каллия, но имеет в виду то, что убедительно для всех людей, каковы они есть. Точно так же поступает и диалектика; это искусство не выводит заключений из чего попало (ведь и сумасшедшим кое-что кажется убедительным), но только из того, что нуждается в обсуждении; подобно этому и риторика имеет дело с вопросами, о которых обычно советуются.

Она касается тех вопросов, о которых мы совещаемся, но относительно которых у нас нет строго определенных правил, и имеет в виду тех слушателей, которые не в состоянии охватывать сразу длинную нить рассуждений, ни выводить заключения издалека. Мы совещаемся относительно того, что, по-видимому, допускает возможность двоякого решения, потому что никто не совещается относительно тех вещей, которые не могут, не могли и в будущем не могут быть иными, раз мы их понимаем как таковые, – не совещаемся потому, что это ни к чему не ведет.

Делать заключения и выводить следствия можно, во-первых, из того, что раньше было уже доказано силлогистическим путем, а во-вторых, из положений, не доказанных ранее путем силлогизма и нуждающихся поэтому в подобном доказательстве, так как иначе они не представляются правдоподобными; в первом случае рассуждения не удобопонятны вследствие своей длины, потому что судья ведь предполагается человеком заурядным, а во втором они не убедительны, потому что имеют своим исходным пунктом положения необщепризнанные или неправдоподобные. Таким образом, энтимема и пример необходимо должны быть: первая – силлогизмом, второй – наведением касательно чего-нибудь такого, что вообще может иметь и другой исход. И энтимема, и пример выводятся из немногих положений; часто их бывает меньше, чем при выведении первого силлогизма, потому что, если которое-нибудь из них общеизвестно, его не нужно приводить, так как его добавляет сам слушатель, например, для того, чтобы выразить мысль, что Дорией победил в состязании, наградой за которое служит венок, достаточно сказать, что он победил на Олимпийских играх, а что наградой за победу служит венок, этого прибавлять не нужно, потому что все это знают.

Есть немного необходимых положений, из которых выводятся риторические силлогизмы, потому что большая часть вещей, которых касаются споры и рассуждения, могут быть и иными [сравнительно с тем, что они есть], так как люди рассуждают и размышляют о том, что бывает объектом их деятельности, а вся их деятельность именно такова: ничто в ней не имеет характера необходимости, а то, что случается и происходит по большей части, непременно должно быть выведено из других положений подобного рода, точно также, как необходимое по своей природе должно быть выведено из необходимого (все это известно нам также из «Аналитики»). Отсюда ясно, что из числа тех положений, из которых выводятся энтимемы, одни имеют характер необходимости, другие – и такова большая часть их – характер случайности; таким образом, энтимемы выводятся из вероятного или из признаков, так что каждое из этих двух понятий необходимо совпадает с каждым другим из них.

Вероятное то, что случается по большей части, и не просто то, что случается, как определяют некоторые, но то, что может случиться и иначе; оно так относится к тому, по отношению к чему оно вероятно, как общее к частному.

Что касается признаков, то одни из них имеют значение общего по отношению к частному, другие – частного по отношению к общему; из них те, которые необходимо ведут к заключению, называются явными доказательствами; те же, которые не ведут необходимо к заключению, не имеют названия, которое соответствовало бы их отличительной черте.

Необходимо ведущими к заключению я называю те признаки, из которых образуется силлогизм. Отсюда-то подобный род признаков и называется явным доказательством *(tecmerion),* ибо когда люди думают, что сказанное ими может быть опровергнуто, тогда они полагают, что привели *tecmerion,* как нечто доказанное и поконченное, потому что в древнем языке *tecmar* и *perns* значат одно и то же.

Из признаков одни имеют значение частного по отношению к общему, как, например, если бы кто-нибудь назвал признаком того, что мудрецы справедливы, то, что Сократ был мудр и справедлив. Это – признак, но он может быть опровергнут, даже если сказанное справедливо, потому что он не может быть приведен к силлогизму. Другой род признаков, например, если кто-нибудь скажет, что такой-то человек болен, потому что у него лихорадка, или что такая-то женщина родила, потому что у нее есть молоко, – этот род признаков имеет характер необходимости. Из признаков один этот род есть tecmerion, потому что он один не может быть опровергнут, раз верна [посылка]. Признак, идущий от общего к частному, например, если кто-нибудь считает доказательством того, что такой-то человек страдает лихорадкой, тот факт, что этот человек часто дышит; это может быть опровергнуто, если даже верно это утверждение, потому что иногда приходится часто дышать человеку и не страдающему лихорадкой.

«***Речь слагается из трех элементов: из самого оратора, из предмета, о котором он говорит, и из лица, к которому он обращается***»

Итак, мы сказали, что такое вероятное, признак и примета, и чем они отличаются друг от друга; более же подробно мы разобрали вопрос как об этом, так и о том, по какой причине одни доказательства не выведены, а другие выведены по правилам силлогизма, – в «Аналитике». Мы сказали также, что пример есть наведение, и объяснили, чего касается это наведение: пример не обозначает ни отношения части к целому, ни целого к части, ни целого к целому, но части к части, подобного к подобному, когда оба данных случая подходят под одну и ту же категорию случаев, причем один из них более известен, чем другой; например [мы предполагаем], что Дионисий, прося себе вооруженной стражи, замышляет сделаться тираном, на том основании, что ранее этого Писистрат, замыслив сделаться тираном, потребовал себе стражу и, получив ее, сделался тираном; точно так же поступил Феаген Мегарский и другие хорошо известные нам люди; все они в этом случае делаются примерами по отношению к Дионисию, о котором мы хорошенько не знаем, точно ли он просит себе стражу именно для этой цели. Все приведенные случаи подходят под то общее положение, что раз человек просит себе стражу, он замышляет сделаться тираном.

Мы сказали, таким образом, из чего составляются способы убеждения, кажущиеся аподиктическими[3]. Между энтимемами есть одно громадное различие, совершенно забываемое почти всеми исследователями, оно – то же, что и относительно диалектического метода силлогизмов; заключается оно в том, что одни из энтимем образуются согласно с риторическим, а также с диалектическим методом силлогизмов, другие же согласно с другими искусствами и возможностями, из которых одни уже существуют в законченном виде, а другие еще не получили полной законченности. Вследствие этого люди, пользующиеся ими, сами

[3] *Аподиктический* (от греч. apodeiktikos, «доказательный», «убедительный») – безусловно достоверный, неопровержимый.

незаметно для себя, пользуясь ими больше, чем следует, выходят из своей роли простых ораторов. Сказанное нами станет яснее, если мы подробнее разовьем нашу мысль. Я говорю, что силлогизмы диалектические и риторические касаются того, о чем мы говорим общими местами – топами (topoi); они общи для рассуждений о справедливости, о явлениях природы и о многих других, отличных один от другого предметах; таков, например, топ большего и меньшего, потому что одинаково удобно на основании его построить силлогизм или энтимему как относительно справедливости и явлений природы, так и относительно какого бы то ни было другого предмета, хотя бы эти предметы и были совершенно различны по природе. Частными же я называю энтимемы, которые выведены из посылок, относящихся к отдельным родам и видам явлений; так, например, есть посылки физики, из которых нельзя вывести энтимему или силлогизм относительно этики, а в области этики есть другие посылки, из которых нельзя сделать никакого вывода для физики, точно так же и в области всех [других наук]. Те [энтимемы первого рода, то есть *topoi*] не сделают человека сведущим в области какой-нибудь частной науки, потому что они не касаются какого-нибудь определенного предмета. Что же касается энтимем второго рода, то чем лучше мы будем выбирать посылки, тем скорее незаметным образом мы образуем область науки, отличной от диалектики и риторики, и если мы дойдем до основных положений, то будем иметь перед собой уже не диалектику и риторику, а ту науку, основными положениями которой мы овладели. Большая часть энтимем выводится из этих частных специальных положений; из топов их выводится меньше.

«***То, о чем люди совещаются, сводится к пяти главным пунктам: финансы, война и мир, защита страны, ввоз и вывоз продуктов и законодательство»***

Теперь точно также, как и в «Топике», нам нужно рассмотреть виды энтимем, а также топы, из которых их нужно выводить. Видами я называю посылки, свойственные каждому отдельному роду предметов, а топами – посылки, одинаково общие всем предметам.

Итак, поговорим сначала о видах. Предварительно же рассмотрим роды риторики, чтобы, определив число их, разобрать элементы и посылки каждого из них в отдельности.

3

Три элемента, из которых слагается речь. Три рода слушателей. – Три рода риторических речей. – Предмет речей совещательных, судебных, эпидейктических[4]. Время, которое имеет в виду каждый из трех родов речи. – Цель каждого рода речи. – Необходимость знать посылки каждого рода речи.

Есть три вида риторики, потому что есть столько же родов слушателей. Речь слагается из трех элементов: из самого оратора, из предмета, о котором он говорит, и из лица, к которому он обращается; оно-то и есть конечная цель всего (я разумею слушателя). Слушатель необходимо бывает или простым зрителем, или судьей, и притом судьей или того, что уже совершилось, или же того, что может совершиться. Примером человека, рассуждающего о том, что имеет быть, может служить член народного собрания, а рассуждающего о том, что уже было, – член судилища; человек, обращающий внимание [только] на дарование [оратора], есть простой зритель. Таким образом, естественно является три рода риторических речей: совещательные, судебные и эпидейктические. Дело речей совещательных – склонять

[4] *Эпидейктическая* речь – торжественная речь по случаю.

или отклонять, потому что как люди, которым приходится совещаться в частной жизни, так и ораторы, произносящие речи публично, делают одно из двух [или склоняют, или отклоняют].

Что же касается судебных речей, то дело их – обвинять или оправдывать, потому что тяжущиеся всегда делают непременно одно что-нибудь из двух [или обвиняют, или оправдываются].

Дело эпидейктической речи – хвалить или порицать. Что касается времени, которое имеет в виду каждый из указанных родов речи, то человек, совещаясь, имеет в виду будущее: отклоняя от чего-нибудь или склоняя к чему-нибудь, он дает советы относительно будущего. Человек тяжущийся имеет дело с прошедшим временем, потому что всегда по поводу событий, уже совершившихся, один обвиняет, а другой защищается. Для эпидейктического оратора наиболее важным представляется настоящее время, потому что всякий произносит похвалу или хулу по поводу чего-нибудь существующего; впрочем, ораторы часто сверх того пользуются и другими временами, вспоминая прошедшее или строя предположения относительно будущего. У каждого из этих родов речей различная цель, и так как есть три рода речей, то существуют и три различные цели: у человека, дающего совет, цель – польза и вред: один дает совет, побуждая к лучшему, другой отговаривает, отклоняя от худшего; остальные соображения, как-то: справедливое и несправедливое, прекрасное и постыдное – здесь на втором плане.

Для тяжущихся целью служит справедливое и несправедливое, но и они присоединяют к этому другие соображения.

Для людей, произносящих хвалу или хулу, целью служит прекрасное и постыдное; но сюда также привносятся прочие соображения.

Доказательством того, что для каждого рода речей существует именно названная нами цель, служит то обстоятельство, что относительно остальных пунктов в некоторых случаях и не спорят; например, тяжущийся иногда не оспаривает того, что такой-то факт имел действительно место или что этот факт действительно причинил вред, но он никогда не согласится, что совершил несправедливое дело, потому что в таком случае не нужно было бы никакого суда.

Подобно этому и ораторы, подающие советы, в остальном часто делают уступки, но никогда не сознаются, что советуют бесполезное или отклоняют от полезного; например, они часто не обращают никакого внимания на то, что несправедливо порабощать себе соседей или таких людей, которые не сделали нам ничего дурного. Точно также и ораторы, произносящие хвалу или хулу, не смотрят на то, сделал ли этот человек что-нибудь полезное или вредное, но даже часто ставят ему в заслугу, что, презрев свою собственную пользу, он совершил что-нибудь прекрасное; например, восхваляют Ахилла за то, что он оказал помощь своему другу Патроклу, зная, что ему самому суждено при этом умереть, между тем как у него была полная возможность жить. Для него подобная смерть представляется чем-то более прекрасным, а жизнь чем-то полезным.

Из сказанного очевидно, что прежде всего необходимо знать посылки каждого из указанных родов речей в отдельности, потому что доказательства, вероятности и признаки – посылки риторики. Ведь, вообще говоря, силлогизм составляется из посылок, а энтимема есть силлогизм, составленный из названных нами посылок. Так как не могло совершиться в прошедшем и не может совершиться в будущем что-нибудь невозможное, а [всегда совершается лишь] возможное, и так как не могло совершиться в прошедшем что-нибудь не бывшее, точно так же, как не может быть в будущем совершено что-нибудь такое, чего не будет, то необходимо оратору, как подающему советы, так и произносящему судебные или эпидейктические речи, иметь наготове посылки о возможном и невозможном, о том, было ли что-нибудь или не было, будет или не будет.

Кроме того, так как все ораторы, как произносящие хвалу или хулу, так и уговаривающие или отговаривающие, а также и обвиняющие или оправдывающиеся, не только стремятся доказать что-нибудь, но и стараются показать великость или ничтожество добра или зла, прекрасного или постыдного, справедливого или несправедливого, рассматривая при этом предметы безотносительно сами по себе, или сопоставляя их один с другим. В виду всего этого очевидно, что нужно иметь наготове посылки как общего, так и частного характера относительно великости и ничтожества и относительно большего и меньшего, например, относительно того, что можно назвать большим или меньшим благом, или большим или меньшим преступлением, или более или менее справедливым деянием; точно так же и относительно остальных предметов.

Итак, мы сказали, относительно чего необходимо иметь наготове посылки. После этого следует разобрать [предмет] каждого из указанных [родов речи] в отдельности: чего касаются совещательные, эпидеиктические и судебные речи.

4

О чем приходится говорить оратору в речах совещательных? – Подробное рассмотрение вопросов, с которыми имеют дело люди, не входит в область риторики. – Риторика заключает в себе элемент аналитический и элемент политический. – Пять пунктов, по поводу которых произносятся совещательные речи: финансы, война и мир, охрана страны, продовольствие страны, законодательство. – Оратор должен знать виды государственного устройства.

Итак, прежде всего нужно определить, относительно какого рода благ и зол совещается человек, так как [совещаться можно] не относительно всевозможных благ и зол, но лишь относительно тех, которые могут и быть и не быть. Что же касается того, что непременно есть или будет, или же не может или не могло быть, о таких вещах не должно быть никакого совещания. Но [совещаются] также не обо всем том, что может быть, потому что в числе благ, которые могут и быть и не быть, есть и такие, которые являются в силу естественного хода вещей или случайно и о которых нет никакой пользы совещаться. Очевидно, что явления, относительно которых возможно совещание, – те, которые в силу своей природы зависят от нас и начало возникновения которых заключается в нас самих. Мы ведь до тех пор исследуем известные вещи, пока не определим, возможно или невозможно нам их сделать.

Здесь мы не должны задаваться целью подробно один за другим рассмотреть и распределить на виды те вопросы, с которыми люди обыкновенно имеют дело, точно также мы не должны давать им определения, согласные с истиной, насколько это возможно, – не должны мы этого делать потому, что это относится к области не риторики, а другой более глубокой и истинной науки, да и теперь уже риторике дано гораздо больше задач, чем ей свойственно.

Справедливо, как мы и раньше заметили, что риторика состоит из науки аналитической и науки политической, касающейся нравов, и что она в одном отношении подобна диалектике, в другом – софистическим рассуждениям. Если же мы захотим рассматривать диалектику и риторику не как способности, но как науки, то, сами этого не замечая, мы уничтожим их природу, так как, относясь к ним таким образом, мы переходим в область наук, которым подчинены известные предметы, а не одни рассуждения.

«Люди становятся богаче не только путем прибавления к тому, что у них есть, но и путем сокращения расходов»

Однако скажем теперь о вопросах, которые полезно разделить на категории и которые имеют значение для политической науки.

То, о чем люди совещаются и по поводу чего высказывают свое мнение ораторы, сводится, можно сказать, к пяти главным пунктам; они следующие: финансы, война и мир, защита страны, ввоз и вывоз продуктов и законодательство.

Тому, кто захотел бы давать советы относительно финансов, следует знать все статьи государственных доходов – каковы они и сколько их, чтобы, если какая-нибудь из них забыта, присоединить ее [к доходам], и если какая-нибудь другая меньше [чем могла бы быть], увеличить ее; кроме того, [необходимо знать также и] все расходы, чтобы в случае, если какая-нибудь статья расхода окажется бесполезной, уничтожить ее, а если какая-нибудь другая окажется более значительной, чем следует, уменьшить ее, так как люди становятся богаче не только путем прибавления к тому, что у них есть, но и путем сокращения расходов. Все эти сведения нужно черпать не из одного только опыта, касающегося местных дел: для того чтобы подавать советы относительно этого, необходимо знать и те изобретения, которые сделаны в этом отношении другими.

Что касается войны и мира, [то здесь необходимо] знать силу государства – насколько она велика в настоящее время и насколько велика была прежде, в чем она теперь заключается и в каком отношении может быть увеличена. Кроме того, [необходимо знать], какие войны вело государство и как – и все это не только относительно своего собственного государства, но и относительно государств соседних. Следует также знать, с кем из соседей можно с вероятием ожидать войны, чтобы с более сильными сохранить мир, а что касается более слабых, то чтобы всегда начало войны зависело от нас самих.

Необходимо также знать военные силы [противников], сходны они с нашими или не сходны, потому что и этим путем возможно как получить выгоду, так и понести ущерб. И для этого необходимо рассмотреть исход войн не только наших, но и чужих, ибо от одинаковых причин получаются одинаковые следствия.

Что касается охраны страны, то [необходимо] быть знакомым со способами охранения страны; [следует] также знать количество стражи и виды и места сторожевых пунктов; сведения эти невозможно иметь, не будучи хорошо знакомым со страной; [все это для того], чтобы усилить охрану, если где-нибудь она слишком слаба, и отменить ее там, где она бесполезна, чтобы тщательнее охранять важные пункты.

В вопросе о продовольствии страны [необходимо знать], какое потребление достаточно для государства и каковы продукты, производимые страной и ввозимые в нее, а также – в каких государствах нуждается страна для вывоза продуктов и в каких для ввоза, чтобы заключать с ними договоры и торговые соглашения, так как необходимо предостерегать граждан от столкновений с двумя категориями государств: с теми, которые могущественнее [нас], и с теми, которые [могут быть полезны] стране в вышеуказанном отношении.

Если для [сохранения] безопасности государства необходимо быть знакомым со всеми этими вопросами, то не менее важно также знать толк в законодательстве, потому что благополучие государства зависит от законов.

«В самом человеке есть блага духовные и телесные, а вне его благородство происхождения, друзья, богатство и почет»

Необходимо, таким образом, знать, сколько есть видов государственного устройства, и что полезно для каждого из них, и какие обстоятельства, как вытекающие из самой природы данной формы государственного устройства, так и чуждые ее природе, могут способствовать гибели этой формы. Я говорю о гибели известной формы правления от свойств, в ней самой заключающихся, потому что, за исключением лучшей формы правления, все

остальные погибают как от излишнего ослабления, так и от чрезмерного напряжения, как, например, демократия гибнет не только при чрезмерном ослаблении, когда она под конец переходит в олигархию, но и при чрезмерном напряжении, подобно тому как крючковатый и сплюснутый нос не только при смягчении этих свойств достигает умеренной величины, но и при чрезмерной крючковатости и сплюснутости принимает уже такую форму, которая не имеет даже вида носа.

По отношению к законодательству нужно не только понимать на основании наблюдений над прошлым, какая форма правления полезна, но также и знать формы правления в других государствах: для каких людей какая форма правления годится. Очевидно, таким образом, что для законодательства полезны описания земли, потому что из них можно познакомиться с законами [других] народов; для совещания же о делах государственных полезны творения историков. Но все это относится к области политики, а не риторики.

Вот главнейшие пункты, относительно которых должен быть сведущ тот, кто желает давать советы [в делах государственных]. Теперь мы изложим положения, на основании которых следует советовать то или отсоветовать другое как по вышеупомянутым, так и по всяким другим вопросам.

5

Счастье как цель человеческой деятельности. – Четыре определения счастья. – Составные части счастья. – Внутренние и внешние блага. – Анализ понятий: благородство происхождения, хорошего и многочисленного потомства; богатства, хорошей репутации, почета, физической добродетели, обладание многими друзьями (polyphilia) и дружба с хорошими людьми (chrestophilia). – Определение понятия «друг». – Анализ понятия счастливой судьбы и случайного блага.

У всякого человека в отдельности и у всех вместе есть, можно сказать, известная цель, стремясь к которой они одно избирают, другого избегают; эта цель, коротко говоря, есть счастье (eudaimonia) с его составными частями. Итак, разберем для примера, что такое, прямо говоря, счастье и из чего слагаются его части, потому что все уговаривания и отговаривания касаются счастья, что к нему ведет и что ему противоположно: то, что создает счастье или какую-нибудь из его частей, или что делает его из меньшего большим – все такое следует делать, а того, что разрушает счастье, мешает ему или создает что-нибудь ему чуждое – всего такого не следует делать.

Определим счастье как благосостояние, соединенное с добродетелью, или как довольство своей жизнью, или как приятнейший образ жизни, соединенный с безопасностью, или как избыток имущества и рабов в соединении с возможностью охранять их и пользоваться ими. Ведь, можно сказать, все люди согласны признать счастьем одну или несколько из этих вещей.

Если на самом деле счастье есть нечто подобное, то к числу составных его частей необходимо будет принадлежать благородство происхождения, обилие друзей, дружба с хорошими людьми, богатство, хорошее и обильное потомство, счастливая старость; кроме того, еще преимущества физические, каковы здоровье, красота, сила, статность, ловкость в состязаниях, а также такие достоинства, как слава, почет, удача, потому что человек наиболее счастлив в том случае, когда он обладает благами, находящимися в нем самом и вне его; других же благ помимо этих нет. В самом человеке есть блага духовные и телесные, а вне его благородство происхождения, друзья, богатство и почет. К этому, по нашему мнению, должно присоединяться могущество и удача, потому что в таком случае можно пользоваться в жизни наибольшей безопасностью.

Итак, рассмотрим, что такое представляет каждая из названных частей счастья в отдельности.

Быть благородного происхождения для какого-нибудь народа или государства значит быть автохтонами или исконными [обитателями данной страны], иметь своими родоначальниками славных вождей и дать из своей среды многих мужей, прославившихся тем, что служит предметом соревнования. Для отдельного человека чистокровность происхождения передается как по мужской, так и по женской линии, а также [обусловливается] гражданской полноправностью обоих родителей. Как для целого государства, так и здесь быть благородного происхождения значит иметь своими родоначальниками мужей, прославившихся доблестью, богатством или чем-нибудь другим, что служит предметом уважения, и насчитывать в своем роду много славных мужей и женщин, юношей и стариков.

Понятие хорошего и многочисленного потомства ясно: для государства иметь хорошее потомство значит иметь многочисленное и хорошее юношество, одаренное прекрасными физическими качествами, каковы рост, красота, сила, ловкость в состязаниях; что касается нравственных качеств, то добродетель молодого человека составляют скромность и мужество.

Для отдельного человека иметь многочисленное и хорошее потомство значит иметь много собственных детей мужского и женского пола, обладающих вышеуказанными качествами.

Достоинство женщин составляют в физическом отношении красота и рост, а в нравственном – скромность и трудолюбие без низости. Каждому человеку в отдельности и целому государству следует стремиться к тому, чтобы как у мужчин, так и у женщин имелись все вышеуказанные качества, потому что те государства, где, как у лакедемонян, нравы женщин порочны, пользуются приблизительно вдвое меньшим благополучием.

Составными частями богатства являются обилие монеты, обладание землей и недвижимой собственностью, а также множеством стад и рабов, рослых и красивых; все эти объекты владения должны быть неоспоримы, сообразны с достоинством свободного человека и полезны. Полезные объекты владения – это преимущественно те, которые приносят плоды, сообразные с достоинством свободного человека, и доставляют наслаждение. Приносящими плоды я называю те предметы владения, от которых [получается] доход, а доставляющими наслаждение – те, от которых [не получается] ничего, о чем бы стоило упомянуть, кроме пользования ими.

Признаком неоспоримости владения является владение в таком месте и при таких условиях, что способ пользования объектами владения зависит от самого владетеля, признаком же владения или невладения служит возможность отчуждать предметы владения; под отчуждением я разумею дачу и продажу. Вообще же сущность богатства заключается более в пользовании, чем в обладании: ведь операция над предметами владения и пользование ими и составляет богатство.

«Вообще же сущность богатства заключается более в пользовании, чем в обладании»

Иметь хорошую репутацию значит считаться у всех людей серьезным человеком или обладать чем-нибудь таким, что составляет предмет стремления всех, или большинства, или добродетельных, или разумных людей. Почет служит признаком репутации благодетеля; по справедливости почетом пользуются преимущественно те люди, которые оказали благодеяние, но почитается также и тот, кто имеет отношение или к самому существованию и тому, что последнему способствует, или к богатству, или к какому-нибудь другому благу, приобретение которого представляется нелегким или вообще, или для данного места или вре-

мени; многие заслуживают почет делами с виду маловажными, чему причиной служит место и время оказания услуги. Проявление почета составляют жертвоприношения, прославления в стихах и прозе, почетные дары, участки священной земли, первые места, похороны, статуи, содержание на счет государства; у варваров признаками почтения служит падение ниц, предоставление места, дары, считающиеся у данного народа почетными. Дар есть дача известного имущества, а вместе и знак почета, потому-то даров домогаются как корыстолюбивые, так и честолюбивые люди; дар обладает свойствами, нужными для тех и других людей: он представляет собой известного рода ценность, которая составляет предмет стремления для корыстолюбивых, и в то же время он связан с почетом, которого домогаются люди честолюбивые.

Физическая добродетель есть здоровье; оно заключается в безболезненном пользовании своим телом, потому что многие, как, например, по преданию, Геродик, пользуются таким здоровьем, которому никто бы не позавидовал, так как им приходится воздерживаться от всего или от очень многого, что доступно человеку.

Что касается красоты, то она различна для каждого возраста. Красота юности заключается в обладании телом, способным переносить труды, будут ли они заключаться в беге или в силе, и в обладании наружностью, своим видом доставляющей наслаждение; поэтому-то атлеты, занимающиеся пентатлом[5], обладают наибольшей красотой, так как они по своей природе равно способны как к телесным состязаниям, так и к быстрому бегу.

[Красота] зрелого возраста заключается в обладании телом, способным переносить военные труды, и наружностью приятной и вместе с тем внушительной.

[Красота] старца заключается в обладании силами, достаточными для выполнения необходимых работ, и в беспечальном существовании благодаря отсутствию всего того, что позорит старость.

Сила есть способность приводить другого [человека или предмет] в движение по своему произволу, а это можно делать или таща его, или толкая, или поднимая, или тесня, или сжимая, так что сильный человек должен оказываться сильным или во всех этих действиях, или в некоторых из них.

Обладающий достоинством статности превосходит многих в росте, он крепок и широкоплеч, однако избыток этих качеств не замедляет его движений.

Атлетическая доблесть для состязаний слагается из достоинств статности, силы и быстроты; ведь и человек быстро бегающий есть в то же время человек сильный, так именно, кто в состоянии известным образом передвигать ноги быстро и на далекое пространство, способен к бегу, а тот, кто умеет сжимать и удерживать [своего противника], тот способен к борьбе; человек, умеющий наносить удары, способен к кулачному бою, а человек, умеющий делать и то, и другое, способен к панкратию[6]; что же касается человека, способного ко всем указанным видам телесных упражнений, то он способен к пентатлу.

Хорошая старость – старость поздно наступающая и вместе беспечальная: не имеет счастливой старости ни тот, кто старится рано, ни тот, чья старость, поздно наступая, сопровождается страданием. Хорошая старость является следствием как хороших физических качеств человека, так и благоприятной судьбы, потому что, не будучи здоровым и сильным, человек не будет лишен страданий, точно так же как без благоприятных условий судьбы жизнь его не может быть беспечальной и долговечной. Помимо силы и здоровья есть другие условия, способствующие долговечности; многие долговечны, хотя и не обладают хорошими физическими качествами. Но нет никакой нужды распространяться здесь об этом.

---

[5] *Пентатл* — пятиборье: бег, прыжки, борьба, метание диска, метание копья.

[6] *Панкратий* – соединение борьбы и кулачного боя, жестокий и популярный вид единоборств.

Понятия *polyphinia* «обладание многими друзьями» и *chrestophinia* «дружба с хорошими людьми» ясны, раз понятие друга определено так: друг – это такой человек, который делает для другого человека то, что считает для него благом, и делает это ради этого человека. Тот, у которого много друзей, и есть *polyphilos,* а тот, у которого [эти друзья] еще и хорошие люди, есть *chrestophilos.*

«Иметь хорошую репутацию значит считаться у всех людей серьезным человеком или обладать чем-нибудь таким, что составляет предмет стремления всех или большинства»

Удача заключается в приобретении и обладании или всеми, или большей частью, или главнейшими из тех благ, происхождение которых случайно. Случай бывает причиной некоторых таких благ, которые можно добыть с помощью человеческого искусства, но многие из них недостижимы этим путем, например те, которые даются нам природой. Некоторые из благ [доставляемых случаем] могут существовать и независимо от природы; так, здоровье может иметь своим источником искусство, но источником красоты и роста может быть только природа. Вообще говоря, это те блага случайного происхождения, которые возбуждают зависть. Случай бывает причиной и таких благ, которые являются вопреки всякому расчету, например, если все братья безобразны и только один из них красив, или если никто другой не замечал клада, а один кто-нибудь нашел его, или если стрела попала в человека, стоявшего рядом, а в него не попала, или если человек, постоянно ходивший [в такое-то место], не пришел, а другие, в первый раз пришедшие туда, погибли. Все подобные случаи кажутся следствием удачи.

Так как учение о добродетели имеет всего более связи с учением о похвалах, то мы разберем вопрос о добродетели тогда, когда будем говорить о похвале.

6

Цель речи совещательной – польза, польза – благо; определение блага. – Три рода действующих причин. – К категории блага относятся: добродетель, удовольствие, счастье, добродетели души, красота и здоровье, богатство и дружба, честь и слава, уменье хорошо говорить и действовать, природные дарования, науки, знания и искусства, жизнь, справедливость. – Блага спорные. – Еще определения блага. – Два рода возможного.

Итак, ясно, что мы должны иметь в виду, как желательное в будущем или как уже существующее в настоящем, когда уговариваем кого-нибудь, и что, напротив, когда отговариваем кого-нибудь, потому что второе противоположно первому. Так как цель, которую преследует совещательный оратор, есть польза, потому что совещаются не о конечной цели, но о средствах, ведущих к цели, а такими средствами бывает то, что полезно при данном положении дел, полезное же есть благо, – в виду всего этого следует вообще разобрать основные элементы добра и пользы.

Определим благо как нечто такое, что желательно само по себе, ради чего мы желаем и другого, к чему стремится все или, по крайней мере, все, способное ощущать и одаренное разумом, или если бы было одарено разумом. Благо есть то, что соответствует указаниям разума; для каждого отдельного человека благо то, что ему указывает разум относительно каждого частного случая; благо – нечто такое, присутствие чего делает человека спокойным и самоудовлетворенным; оно есть нечто самодовлеющее, нечто способствующее возникновению и продолжению такого состояния, нечто сопутствующее подобному состоянию, мешающее противоположному состоянию и устраняющее его. А сопутствие [здесь] может

быть двоякое: [что-нибудь существует] одновременно [с чем-нибудь другим] или является после [этого другого], например, знание является после учения, но жизнь существует одновременно со здоровьем.

Способствование возникновению бывает троякое: одно подобно тому, как состояние здоровья бывает причиной здоровья, другое – как причиной здоровья бывает пища, третье – как такой причиной бывает гимнастика, поскольку она по большей части производит здоровье. Раз это установлено, отсюда необходимо следует, что хорошо всякое приобретение блага и всякое устранение зла, потому что одновременно с первым состоянием существует отсутствие зла, а вслед за вторым наступает обладание благом. И получение большего блага вместо меньшего и меньшего зла вместо большего [есть также благо], потому что в одном случае мы обретаем, а в другом устраняем то, чем большее имеет перевес над меньшим. И добродетели необходимо суть благо, потому что люди, обладающие ими, счастливы; добродетели производят блага и учат пользоваться ими. Но мы скажем отдельно о каждой из них, что она такое и какова ее природа. Удовольствие также необходимо есть благо, потому что все живое стремится в силу своей природы к удовольствию. Вследствие этого все приятное и прекрасное необходимо есть благо, потому что приятное доставляет удовольствие, а из прекрасных вещей одни приятны, другие желательны ради самих себя.

Одним словом, благом необходимо признать следующее: счастье, потому что оно желательно само по себе и обладает свойством самодовлеемости; кроме того, ради него мы избираем многое. Справедливость, мужество, умеренность, великодушие, щедрость и тому подобные качества, потому что это – добродетели души. Красота, здоровье и тому подобное – также блага, потому что все это – добродетели тела, которые создают много благ, например, здоровье создает удовольствие и жизнь, почему оно и считается высшим благом, так как служит причиной двух вещей, имеющих для большинства наибольшую ценность – удовольствия и жизни. Богатство, так как оно представляет собой достоинство имущественного состояния и служит причиной многих благ. Друг и дружба, потому что друг желателен сам по себе, а кроме того, он может сделать многое. Честь, слава, потому что они приятны и потому что они создают многое; с ними по большей части сопряжено присутствие того, в силу чего [люди] пользуются почетом. Умение говорить и искусно действовать, потому что все подобное создает блага. Сюда же относятся даровитость, память, понятливость, сметливость и все тому подобные качества, потому что они создают блага. Равным образом [сюда принадлежат] все отрасли знания и все искусства. Сама жизнь [есть благо], потому что, если бы даже с ней не было сопряжено никакое другое благо, она желательна сама по себе. Наконец, справедливость [есть также благо], потому что она полезна всем.

Вот приблизительно все то, что люди согласны признавать благом. Что же касается благ спорных, то заключения относительно них нужно выводить на основании вышеупомянутых благ. Благо – то, противоположное чему есть зло, а также то, противоположное чему полезно врагам, например, если трусость граждан приносит пользу врагам, то, очевидно, что мужество очень полезно гражданам. Вообще же кажется полезным противоположное всему тому, чего желают враги и чему они радуются, поэтому-то сказано:

Как ликовал бы владыка Приам…[7]

Но так бывает не всегда, а лишь по большей части, потому что вполне возможно, что одно и то же будет полезно для обеих сторон, отчего и говорится, что «несчастье сводит людей», когда какая-нибудь одна и та же вещь вредна для обоих. Благом можно назвать также и то, что не есть крайность, то же, что преступает должную меру, есть зло. То, ради чего

[7] Гомер, «Илиада», I 255. *(Здесь и далее цитаты из «Илиады» и «Одиссеи» даны в переводе В. Вересаева.)*

совершено много трудов и сделано много издержек, также представляется благом, потому что такая вещь уже есть кажущееся благо; она понимается как цель, увенчивающая многие усилия, а всякая цель есть благо, поэтому сказано:

На похвальбу Приаму…

И:

Но позорно ждать нам и здесь без конца[8].

Отсюда и пословица: [выронить из рук] кувшин с водой у самой двери. [Благом представляется] также то, к чему многие стремятся и что кажется достойным предметом соревнования, ибо то, к чему все стремятся, есть благо, а понятие большинства людей представляется равным понятию «все люди». [Благо] и то, что заслуживает похвалы, потому что никто не будет хвалить того, что не есть благо.

[8] Гомер, «Илиада», II 176.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.